

АЛЬФРЕД Шнитке и Эдсон Денисов, Валентин Сильвестров и Александр Кнайфель, Вячеслав Артемов и Николай Карегников... Имена этих композиторов, представляющих направление так называемого музыкального авангарда, в последнее время буквально захлестнули афиши концертных залов. И хотя их музыка в широкой слушательской среде воспринимается неоднозначно, вызывая полярно противоположные суждения и оценки, многие видят в творчестве этих авторов чуть ли не единственный реальный путь дальнейшего развития современного музыкального искусства.

Одним из бесспорных лидеров музыкального авангарда является Софья Губайдулина — оригинальный и самобытный мастер, творчество которой до самого последнего времени было знакомо лишь профессионалам и узкому кругу любителей. Между тем автора никак

ного творчества в целом. У каждого автора существует своя собственная концепция, и я бы не стала выделять какие-то школы или направления. Мне кажется, можно говорить лишь о сумме различных культурных, национальных и стилевых традиций. Сегодня мы подошли к такому историческому моменту, когда деление композиторов происходит не по географическому или национальному признаку, а по тому типу ответов на общечеловеческие вопросы, которые композиторы дают своим творчеством. В принципе, композиторы различаются лишь типом своего музыкального мышления. Как правило, авторы, относящиеся по своему психологическому складу к интравертам, обращаются в своем творчестве к медитативности. И наоборот, композиторы-экстраверты создают преимущественно музыку, которую я бы назвала коммуникативной.

«СТУПЕНИ»

СОФЬИ ГУБАЙДУЛИНОЙ

не причислишь к молодым композиторам. Ее перу принадлежат кантаты «Ночь в Мемфисе» и «Рубайят», вокальный цикл «Фаелдия», симфония «Ступени», композиции «Час души» и «Сад радости и печали», хоровой цикл «Посвящение Марине Цветаевой», концерты для фагота, фортепиано, виолончели и многие другие камерно-инструментальные и вокальные сочинения. Она стремится к осмыслению и постижению фундаментальных проблем современности. Ее волнуют парадоксы времени и пространства, вопросы эстетики и философии культуры. Но главным объектом внимания композитора является человек — носитель и творец вечных духовных ценностей, служащих единственным гарантом продолжения жизни и развития земной цивилизации, дальнейшего познания бесконечных тайн мироздания.

— Софья Асгатовна, многие зарубежные музыканты, принимавшие участие в минувшем ленинградском международном музыкальном фестивале, утверждали, что советский авангард представляет в настоящее время наиболее интересное явление в мировом музыкальном искусстве. Так ли это?

— Может быть, это покажется парадоксальным, но, будучи длительное время изолированным от мирового музыкального процесса, советский авангард тем не менее сумел обрести собственные отличительные черты. Если современная западная музыкальная культура становится все более интернациональной, то наша новая музыка продолжает питаться национальными истоками.

Отсюда и интерес к ней зарубежных музыкантов. Нечто подобное происходило в Германии XVIII века, когда интеллигенция, лишенная возможности влиять на экономику, политику, культурный процесс, обратила духовные искания в глубь вещей. Результатом этого стал ренессанс немецкой философии, музыки и культуры в целом. Сегодня в советской неформальной музыке идет очень поуржий процесс. Внешнее сходство нашей авангардной музыки с западной иногда не позволяет увидеть глубинные различия, обусловленные столь разными историческими путями развития, но, думаю, со временем это будет проявляться все более явно. Ну а чей авангард — наш или западный — более интересен и продуктивен, покажет будущее.

— Можно ли выделить какие-то основополагающие черты, характерные для современного советского музыкального искусства?

— Сейчас каждый композитор идет своим путем, и очень трудно говорить о принципиальных особенностях современного музыкального

— Почему же отечественный музыкальный авангард в течение десятилетий вызывал столь ярое неприятие чиновников от культуры?

— Я глубоко убеждена, что речь все эти годы шла не о музыке как таковой и не о каких-то авангардных средствах. Ничего особенного в этом отношении в нашей музыке не было. Но наше творчество являло собой феномен внутренней освобожденности личности! Это-то больше всего раздражало чиновников, именно поэтому они и накладывали вето. Из того отчаянного положения, в котором мы все находились, нас буквально «вытащили» иностранные менеджеры и советские исполнители, выступавшие за рубежом. Эта «экспортная» ситуация возникла искусственно, и только оттого, что определенные деятели, занимавшиеся музыкальной культурой, исходя из своих личных соображений, тормозили естественный ход развития музыкального искусства страны.

— В чем, на ваш взгляд, состоит особенность сегодняшнего общественного сознания, если отвлечься от музыкального искусства?

— Мы живем в эпоху, которая может завершиться реальным апокалипсисом. Ни в один из прежних периодов истории человек не был так близок к возможному концу мира. Это накладывает отпечаток на все сферы нашей жизни, на все наши поступки.

— Не слишком ли пессимистично ваше ощущение?

— К сожалению, это правда XX века. Человечество еще никогда столь реально не ощущало угрозы апокалипсиса. Предчувствие конца света в истории уже существовало. Его все время ждали первые христиане. Но решающее отличие состоит в том, что для христиан конец мира есть благо, спасение праведников, а у нас нет такой надежды, что праведники спасутся. Я часто слышу: зачем об этом говорить, разговорами делу не поможешь! Но считаю, только абсолютное осознание серьезности нависшей над человечеством опасности может остановить милитаризм, физический и духовный апокалипсис. Прежде всего необходимо остановить энтропию духа. Весь смысл человеческой жизни — в преодолении саморазрушения, в попытке отдалить собственную смерть. И я уверена, что в нашей стране есть силы, способные воспротивиться энтропии духа. Перестройка — это не только наша единственная надежда. Перестройка — наш последний шанс.